

Время
обнимать

Елена Минкина-Тайчер

Время обнимать

Роман

альпина
ПРОЗА

Москва, 2026

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6
М57

Книга издана при содействии Литературного агентства Вимбо

Минкина-Тайчер Е.

М57 Время обнимать : [роман] / Елена Минкина-Тайчер. — М. : Альпина нон-фикшн, 2026. — 330 с.

ISBN 978-5-00223-828-6

Увлекательная семейная сага и философская драма — о сложных судьбах, страсти, разлуке, трагической слепоте родных людей и их внезапных прозрениях, о цене жизни и смерти, о том, как прошлое настигает и убивает. И одновременно — гимн семье: объятиям, сантиментам, милым пустякам и взаимной любви, ее единственной нерушимой основе.

С мягкой иронией автор рассказывает о питерской интеллигенции, трогательной заботе о «своем круге» и непрерывном культурном образовании детей, о любви к литературе и неприязни хамства.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-828-6

© Елена Минкина-Тайчер, 2026
© ООО «Вимбо», 2026
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2026

*...Время родиться, и время умирать...
время убивать, и время врачевать...
время обнимать, и время уклоняться
от обзятий...*

КНИГА ЕККЛЕСИАСТА. Гл. 3

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ

Виктор

По-настоящему не повезло Виктору только с фамилией. Хотя разве узнаешь заранее, что считать везением. Словно бежишь по футбольному полю и — бац! — не сразу поймешь, успешно принял удар головой или просто врезало по лбу. В любом случае фамилия *Приходько* хорошо бы подошла милиционеру или председателю сельсовета, в крайнем случае заводскому технику. А вот оперному певцу — жалкая насмешка, чтоб с рождения знал и не зарывался.

Впрочем, в детстве все казалось жалким и невыносимым — и скучные добропорядочные родители, и крикливые соседи, вечно нетрезвые и навязчивые, как летние мухи, и мелкая уличная шпана. *Пацаны*, черт бы их побрал! И сам городок с деревенским названием Колпино являл собою абсолютную вековую скуку и невзрачность. Жалкое убожество рядом с великим городом Петра. Кроме старого завода, навсегда отравившего реку Ижору и как бы в насмешку названного ее именем, ничего стоящего в их городе не было, вся жизнь вокруг завода крутилась: музей, больница, библиотека — все называлось *ижорским* в честь завода-благодетеля. Говорят, еще петровский любимчик Александр Меншиков начал

тут строительство плотины и мастерских для будущих кораблей. Вот ведь судьба — из денщика в фавориты царя, и князь, и граф, и генералиссимус, черт его знает, как это возможно в одной жизни. Рабочих для мастерских по указу того же Меншикова набирали из рекрутов, а то и из ссыльных каторжников, и дети этих рабочих становились кантонистами, или, проще говоря, рабами в военной форме. Виктора с детства удивляли дикость и жестокость в истории с кантонистами, не мог даже представить себя десятилетнего, оторванного от родителей, обреченного на нескончаемую армейскую службу. Впрочем, дикости, воровства и отсталости в царской России хватало и без того. Хорошо хоть кантонистам давалось какое-то образование — писаря, топографа, мастерового, — поэтому прадед Виктора сумел выучиться на чертежника, а после и сыновей пристроить. Рабы, но с профессией, — все-таки не уголь грузить! А потом Александр Второй отменил наконец крепостничество, появилась возможность уйти из военных, так что дед Виктора, Иван Приходько, служил на Ижорском заводе уже не простым рабочим, а техником, а отец, Андрей Иванович, — старшим техником-конструктором, чем очень гордился. *Гордиться можно чем угодно, было бы желание.* А плебейская фамилия отца наверняка досталась от беглого хохла, забритого в рекруты вместе с поляками и евреями.

Мама, как и почти все другие женщины, занималась домом и детьми, хотя детей им Бог дал немного — Виктора и его старшую сестру Наташу. Но Наташа умерла от скарлатины еще в двадцать пятом году, Виктор рос единственным и ненаглядным,

за каждым шагом его следили беспокойные родительские глаза, из-за каждой ссадины и хворобы тряслись, так что из детских лет он ничего и не вынес, кроме утомительной беспрерывной опеки. Нет, раннее детство помнилось светлым и радостным, нечего Бога гневить. Просыпался под мамину песню-скороговорку, плескал руками в большом голубом тазу, вместе с поцелуем получал теплую краюшку хлеба, а то и пирожок. Никогда не знал голода благодаря родительской любви и заботе. Даже блокада прошла мимо. Да, даже блокада.

До революции мама пела в местном церковном хоре — не зря голос ей достался сильный и звенящий, самому богу в уши. И церковь, уютная, красного кирпича, звалась *Вознесения Господня* и стояла людям в утешение на высоком берегу Ижоры, красовалась, смотрелась в ласковую речку. На праздники далеко-далеко разносил ветер поющие голоса, словно души летели в лучшую светлую жизнь. Но в двадцатом, за год до рождения Виктора, церковь закрыли, так что все мамы песни достались несмышленьшу, ненаглядному ее младенцу Витеньке. Помнится, и засыпал, и просыпался под нежную скороговорку: «Ангеле Божий, хранителю мой святыи, живот мой соблюди во страхе Христа Бога, ум мой утверди во истиннем пути и к любви горней уязви душу мою...»* Потому, наверное, и полюбил с ранних лет не скрипку или баян, но именно голос, самый непостижимый и прекрасный музыкальный инструмент.

---

* Молитвослов. Канон Ангелу-Хранителю.

А еще мама любила читать книжки, у нее даже была своя небольшая библиотека — Гончаров, Тургенев, Аксаков, еще кто-то из хороших дореволюционных писателей. И ему, глупому теплому малышу, читала вслух длинные истории о барышнях, господах и послушных детях в матросских костюмчиках. Господа носили красивые мундиры, скакали на лошади или сражались на дуэли, прекрасные барышни в кружевных платьях спешили на бал, а дети собирали цветы, качались в гамаке и играли в загадочную игру под названием «крокет». И маленький Витя сладко плакал о потерянном белом пуделе, хотя заранее знал, что пудель найдется и все всегда будет хорошо.

Лет с пяти-шести праздник закончился. Пацаны! Жестокие, тощие, с грязными ногами в цыпках, они целыми днями болтались на улице и проходу не давали «маменькиному сынку». Витя ненавидел грязь и ругань, дурацкие игры с криками и плевками, драки до крови, но очень скоро понял, что красивые дети в матросских костюмчиках и белых платьях существуют только в придуманном книжном мире, а здесь, на родной улице, ни гамаков, ни крокета не подавали, здесь требовалось выжить, выжить любой ценой. Для начала он научился плевать сквозь зубы. Специально до тошноты тренировался в уборной, пока плевков не стал смачным и длинным, как у главного хулигана по кличке Сизый.

Потом, преодолев ужас, вмазал в нос одному из обидчиков. Пусть не самому большому и сильному, но вмазал крепко, до кровавых соплей. Потом выпросил у мамы рубль и выкупил у соседского

придурка-переростка шикарную битую для игры в расшибалочку. На первые же отыгранные деньги купил под уважительные взгляды пацанов пачку папирос (*тетенька, мне для папы, он со смены пришел*) и накурился до рвоты и отвращения, отвращения на всю жизнь, даже в феврале сорок второго в рот не смог взять. Но окончательное признание пришло в школе, где Витя решал для этих дебилов примеры и давал списывать домашние задания. Ему даже прощали участие в школьной самодеятельности. Да, младший Приходько не только легко учился, но и прекрасно пел, особенно в старших классах, когда у него вместо детского тонкого голоска прорезался скромный, но красивый и чистый баритон. Короче, соседи не зря завидовали маме — мало того что муж не пьянствовал, так еще и сын вырос родителям в утешение!

Витя и лицом, чуть продолговатым, с круглым подбородком и яркими синими глазами, на маму походил, и волосы лежали густой светлой волной, не каждая расческа возьмет! Зато от отца досталась крепкая поджарая фигура, за всю жизнь Андрей Иванович так и не потолстел — ни на гнилой картошке, ни на бутербродах с икрой, которую привозил сын в последние годы. Но привлекательность свою Виктор осознал поздно и с сожалением вспоминал, как уже после войны, взрослым, много пережившим мужиком, комплексовал и боялся молодых красивых женщин — мол, случайно улыбаются и смотрят в глаза, не может быть такого везения. Потому что не только смотреть — думать о женщинах не позволяла его страшная, жесткая служба, только бесцветность, полная бесцветность и безликость, чтоб

ни имени, ни лица. Упали и молодость, и красота на гиблые военные годы, сгорели, как сухое полено. Кстати, долгое время после войны Виктор не выносил художественную литературу, и в первую очередь русскую классику. Особенно вздохи и сопли по поводу *одной слезы ребенка*. Да и прочие пустопорожние рассуждения про жертвенность русской героини, спасение лесов, вырубку вишневого сада страшно раздражали, а имена типа *Мисюль* или *Неточка* вызвали истинное отвращение. Он бы им всем рассказал, как проходит вырубка — дом за домом, деревня за деревней, как разбивают голову ребенка и разрезают на морозе прекрасных барышень, но что это изменит? Большинство людей остаются глупыми сентиментальными баранами. Слава богу, когда-то явились на божий свет Стивенсон и папаша Дюма и подарили нормальному человеку возможность находить в книгах не назидания и липовые трагедии, а простое заслуженное удовольствие! Виктор пять раз прочел «Графа Монте-Кристо» и двадцать пять «Трех мушкетеров», с любой страницы мог цитировать наизусть.

Еще до войны Витя Приходько успел сделать главное дело своей жизни — поступить в Ленинградскую консерваторию на вокальное отделение. Прекрасным летним днем тридцать девятого года, не веря своим глазам, он стоял у доски и читал, читал в который раз список поступивших — *Павлов... Пономарева... Приходько Виктор Андреевич*. Все! Конец скудной жизни при заводе, унылым улицам, соседским песням под гармонь...

Мечты, мечты, где ваша сладость! Не прошло и месяца, как радость победы растворилась, словно

корабль-призрак в опере Вагнера. Он был принят, потому что добрая пожилая прима-экзаменаторша пожалела красивого мальчика. Но голос, голос оказался слаб — не мог тянуть высокие ноты, не давались легкость и глубина. Это вам не школьная самостоятельность. К середине года стало ясно, что сольные партии Виктору не светят никогда. Подножка из-за угла, беспредельная подлая невезуха! Он помнил наизусть все баритоновые арии — Фигаро, Демона, Мазепы, он во сне мог пропеть любую из них от любого такта! Помнил, но не тянул.

Подумать только, сто раз смотрел фильм «Веселые ребята», сто раз смеялся над барышней, пьющей сырые яйца «для улучшения голоса» — пей, голубушка, пей, курицей, может, и станешь, но жаворонком никогда. А в чем эта тетка виновата, спрашивается, если она искренне мечтала петь? И чем лучше наглая, крикливая героиня Любви Орловой, кстати, так же похожая на простую девушку, как Виктор на китайского императора? И тем не менее люди восторгались Орловой, не слишком молодой, с тяжелой фигурой и глуповатой нарисованной улыбкой. Вышла замуж за гениального режиссера — вот ее главная удача. А если нет удачи, то можно сколько угодно репетировать, тренировать связки, рвать на себе волосы от обиды и унижения — такой же результат, как от выпитых сырых яиц!

Может, зря он так психовал? Ведь первый год проучился нормально, получил койку в общежитии, экзамены сдал успешно — гармония, музыкальная литература, история партии. Только вокал недотягивал, недотягивал, хоть лопни! Вот так всю жизнь

в массовке обретаться? Граждане Севильи, крестьяне, солдаты — тупо выходить толпой на сцену, получать жалкие гроши, смертельно завидовать солисту, никогда не увидеть свое имя на афише? А какие варианты? Уйти из консерватории и потерять навсегда великий царский город, прогулки по набережной, безграничную воистину *дворцовую* площадь, разведенные мосты?

Конечно, он не раз бывал с родителями в Ленинграде и раньше, но одно дело приехать жалким туристом из области, а другое — жить! Жить полноценным ленинградцем, ходить в соседнюю бакалею за свежей булкой, сетовать на расколотый поребрик, привычно читать книжку или вовсе дремать на скамейке Летнего сада. *Твоих оград узор чужуный, твоих задумчивых ночей прозрачный сумрак...* Пушкина проходили в седьмом классе, но только через много лет стал вспоминать и ценить. (Впрочем, скорее представлялась Муся со сборником Пушкина, свят-свят!)

Много лет спустя, приехав в Париж на недельный семинар преподавателей (вот такие наступили времена!), Виктор Андреевич неожиданно для себя поселился в просторной квартире на бульваре Монпарнас. Приглашение поступило от преподавателя, милейшего старика из бывших русских, уезжавшего в провинцию по семейным делам.

— Вы меня очень обяжете, дорогой друг, если станете в моем скромном жилище временный *лепатрон*. В вашем *диспозисен* спальня, *сель дю ба* и кухня (я правильно произношу?). И вид с балкона — пожалуйста, *кафе де ла Ротонд*. Русские, знаете, очень почитают этот кафе. Однако позволю себе отмечать,

перед вами только легенда, Хемингуэй не предпочитал столь шумные залы.

Так Виктор Андреевич на неделю стал не гостем, а жителем Парижа! Ранним утром спускался по широким ступеням, застланным бордовым ковром, открывал *своим ключом* тяжелую чугунную решетку парадной двери и отправлялся налево по бульвару в сторону крошечной, как шкатулка, кондитерской. Там он снимал пальто и шляпу, садился *на свое место* напротив окна и долго со вкусом пил свежемолотый ароматный кофе, отламывая маленькой вилкой куски творожного торта, усыпанного черникой. А другим утром он заходил в булочную напротив, заказывал свежий багет и большую чашку горячего шоколада и отправлялся на прогулку. Семинар на мгновение всплывал в памяти и тут же растворялся без сожалений и угрызений совести, чай не мальчик на лекциях сидеть! Направо по бульвару Монпарнас, на расстоянии пешего хода от *его дома*, находились бульвар Инвалидов и музей Родена, но, как истинный житель города, давным-давно знакомый со всеми достопримечательностями, Виктор Андреевич спокойно проходил мимо в сторону Люксембургского сада, выбирал свободную скамейку в тени и садился почитать газету с чувством давно забытого отдохновения.

В первый же год учебы Витя влюбился не только в Ленинград, но в само здание консерватории, гулкие классы, скульптуры в переходах, высокую сцену концертного зала с двумя роялями. Именно здесь Антон Рубинштейн стал первым профессором по классу фортепиано, Чайковский — первым выпускником композиции, Римский-Корсаков — автором

учебника по гармонии. Как просто и как недостижимо! Элегантный, с красиво подстриженной седой бородкой, учитель теории музыки Дмитрий Федорович Бувевский ценил Виктора за прекрасную музыкальную память и даже приглашал иногда к себе в гости, в тесную из-за громоздкой потемневшей мебели комнату на Моховой улице. В первый же визит Витю больше всего поразил не набор фарфоровых статуэток, не старинная нотная библиотека и напольные часы, а домашний наряд самого учителя — бархатная мягкая курточка, темно-красная рубашка (а ведь утром был в голубой!) и шелковый шейный платок вместо галстука.

Да, он жаждал стать своим в этом прекрасном мире, надевать смокинг и бабочку, ухаживать за очкастыми скрипачками, дружить с басами и баритонами. Он хотел на равных с другими владеть Ленинградом, его дворами и проспектами, Казанским собором и Михайловским садом, разве возможно в один миг потерять все и вернуться в Колпино, в бедность и убожество старого завода и облупленной заколоченной церкви?!

К тому же у него появилась женщина. Первая в жизни и не совсем такая, как мечтал подростком, — не загадочная, *трепетная* и *жертвенная* красавица (черт бы побрал русские романы!), но вполне солидная взрослая дама с прической валиком и полными бедрами. Жанна Петровна, концертмейстер альтов и зампарторга по оргработе, можно сказать — стихи и проза в одной упаковке. Но все-таки это был настоящий роман, полный секса и страсти. В пустующем вечерами кабинете парторга Жанна

тяжелой грудью прижимала Витю к спинке кожаного дивана, обдавала горячим шепотом: «Миленький, красавчик!» Ее бесстыдный обнаженный живот, резинки чулок, высоко задранная юбка, запах тела и горячего, смешанного с духами пота сводили с ума, но как-то грязно, неправильно — вождение ли, отвращение? *Лобзай меня: твои лобзанья мне слаще мирра и вина* — интересно, Пушкин серьезно писал такую хрень?

Поздним вечером Виктор возвращался в общежитие, долго мылся в неопрятной общей душевой в конце коридора, злился на себя, трогал пальцем опухшую губу. Но через несколько дней опять, нервно дрожа, пробирался в темное, нежилое в ночи административное крыло.

Может быть, Жанна организовала ту встречу? Хотя зачем ей? Или уборщица донесла? Или кто-то из студентов-информаторов? Виктор так никогда и не узнал, но в один из темных осенних вечеров в кабинете парторга его встретила не дама сердца, а вполне заурядный незнакомый мужик, похожий на гардеробщика. И разговор поначалу был заурядный — как дается учеба, удобная ли комната в общежитии, — даже непонятно, почему Виктор так старательно и подробно отвечал.

— Вы, конечно, понимаете, Виктор Андреевич (отчество-то он откуда узнал?!), что музицировать и петь оперные арии — прекрасное занятие, но страна, наша любимая советская Родина окружена врагами и стоит на пороге войны.

— Это все понимают, — послушно кивнул Виктор и постарался вздохнуть как можно серьезнее (может,

мужик из комитета комсомола? Но зачем? Взносы Виктор платил регулярно, в субботниках участвовал, хотя и терпеть не мог коллективный труд).

— А если я задам такой вопрос: готовы ли вы, Виктор Андреевич, молодой успешный будущий музыкант, совершить ради Родины подвиг? Нет, не героически сражаться, к этому готов каждый комсомолец и коммунист (ага, точно из комитета комсомола), а тихо и незаметно служить для ее спасения? Как, кстати, у вас с немецким? Говорят, хороший музыкальный слух помогает в освоении иностранных языков.

— Я не понимаю, о чем именно вы говорите? По немецкому у меня еще в школе было отлично, Родину люблю и готов защищать до последней капли крови. *Если завтра война — мы готовы в поход!*

На самом деле Виктор не слишком верил в близкую войну и совсем не рвался умереть за Родину, как ожидалось от его поколения. В тайных мечтах он видел себя кем-то вроде Лемешева, не зря все знакомые девушки и женщины буквально обмирали от недавно вышедшей «Музыкальной истории». Выйти на сцену под взметнувшиеся аплодисменты, сдержанно склонить голову в поклоне, постоять мгновение, прижав к груди брошенный из зала букет роскошных темных роз... Вот о чем мечтал студент Приходько.

— Прекрасно. Я в вас не сомневался. Тогда со следующей недели вы начнете посещать преподавателя немецкого языка. Требуется освоить хорошее понимание разговорной речи, отсюда недалеко, здание бывшего ремесленного училища. Час занятий

с преподавателем немецкого и еще час — с опытным специалистом по постановке голоса. Но все знакомые и сокурсники должны знать только о частных уроках пения. Надеюсь, вы понимаете? Уверен, индивидуальные занятия с опытным преподавателем помогут вам значительно улучшить отметку по вокалу. Да, вы также переедете в другую комнату. Шесть соседей — слишком утомительно, невозможно заниматься, не правда ли? Со следующей недели у вас будет только один сосед. Пока все, Виктор Андреевич. Успехов в учебе! И не забывайте навещать родителей, вы ведь единственный сын, гордость и надежда, так сказать. Кстати, не нужно их беспокоить лишней информацией.

Он и про родителей все знал! Виктору вдруг стало страшно и захотелось закрыть глаза, чтобы исчезла, как кошмарный сон, чужая бесцветная рожа.

— Простите, э... я не запомнил вашего имени...

— Борис Иванович.

— Простите, Борис Иванович, а нельзя ли мне пока отказаться? В консерватории очень высокие требования, учимся с утра до вечера плюс домашние задания. Боюсь, просто не хватит времени и на основные занятия, и на дополнительные.

— Отказаться, безусловно, можно, мой друг. И свободного времени сразу окажется намного больше, поскольку без постановки голоса вас наверняка отчислят в ближайшее же время. Правда, вы сразу будете призваны в армию, поэтому от службы на благо Родины уйти не удастся. Мы дезертиров не прощаем!

Этот тип все меньше походил на гардеробщика, скорее на огромную серую крысу с острыми зубами.

— Почему сразу дезертир?! Я за год ни одного субботника не пропустил. Просто хотел узнать, нельзя ли немного отложить. Но я люблю учиться, поэтому готов приступить хоть завтра.

— Вот и хорошо, Виктор Андреевич, мы не сомневались, что вы разумный и способный человек. По поводу переезда узнаете у коменданта общежития. Адрес занятий я лично передам в начале следующей недели. И еще. Любовь в молодом возрасте прекрасна, но кабинет парторга, согласитесь, не предназначен для частных свиданий. Надеюсь, этот вопрос вы как-то решите сами.

Вот и все, темная коробочка поглотила, и крышка захлопнулась. Можно ли было выбрать другой вариант? Отказаться — и вылететь из консерватории, отправиться напрямиком в армию? Именно! Отправиться в армию и всего через полгода оказаться на той же войне, но среди своих. И никогда, никогда не попасть в Белоруссию, не увидеть раскрывшейся бездны... Витя никогда, ни разу, даже в самые тяжелые минуты поражения, не задал себе этот вопрос.

В консерваторию Виктор вернулся в начале сорок пятого года, за три месяца до объявления победы, в погонах капитана артиллерии. Почему для него выбрали именно артиллерию, капитан Приходько так никогда и не узнал, возможно, суматоха последних месяцев, частая смена начальства и постоянная передислокация именно артиллеристов решили данный вопрос.

Его сразу восстановили на третьем курсе, а летом того же года перевели на четвертый, хотя к моменту

призыва Виктор даже за второй не успел сдать экзамены. В августе бывший офицер Приходько получил ордер на комнату, просторную, обставленную крепкой старинной мебелью комнату в гулкой, с высоченными потолками коммунальной квартире на улице Некрасова. Улицу переименовали давно, и Виктор ничего не имел против известного поэта (хотя стихов его со школы не любил и не читал), но старое название Бассейная (где жил человек рассеянный!) напоминало детство и казалось проще и милее. Кому раньше принадлежала комната и мебель, никто не сказал, да он и не спрашивал. Город еще болел блокадой, в асфальте зияли дыры, совсем недавно служившие колодцами, на Лиговке страшным скелетом возвышался остов разрушенного дома, и новые соседи Виктора, высохшие старики и старухи, непостижимо и жутко похожие на останки домов, тихо отсиживались по своим углам и даже в уборную старались выходить пореже. Правда, одна женщина средних лет, медсестра из военного госпиталя, тоже худая, но не такая мертвенно-бледная, как старики, иногда приглашала Виктора к чаю. Витя приносил пачку печенья или конфеты-подушечки, молча сидели за круглым столом, грея руки о синие с золотом фарфоровые чашки, нелепо красивые и неуместные на серой клеенке, и он мог только догадываться по фотографиям на стене, что когда-то здесь жили немолодые, хорошо одетые люди, красивый мужик с ромбиками в петлицах, две маленькие девочки. Иногда Виктор оставался ночевать, женщина равнодушно раздевалась, прижималась к его груди, гладила шрамы на плечах так же молча, не открывая

глаз. Под утро она приносила из общей кухни большую миску с водой и бережно мыла чашки, а потом протирала каждую вышитым полотенцем.

По выходным Витя старался уезжать к родителям. Да, и мама, и отец пережили войну, хотя он тысячу раз успел проститься с ними за эти бесконечные три года. Блокада для Колпина началась в последних числах августа, район оказался буквально на линии фронта, но каким-то чудом продолжали работать как завод по ремонту военной техники, так и хлебозавод, школа, баня и даже библиотека. Правда, летом сорок второго местные власти сумели организовать массовую эвакуацию жителей, но его родители остались и продолжали работать вместе с другими ветеранами. Они даже не слишком голодали, потому что при заводе работала столовая. К тому же почти каждый месяц им приносили посылку с крупами и консервами в казенной серой упаковке и без обратного адреса. Что ж, начальство Виктора честно соблюдало правила игры. До самой своей смерти ни мама, ни отец не спросили, как и откуда сын посылал продукты. Слава богу, ни разу не спросили.

Самым непостижимым оказалось возвращение в консерваторию! Занятия возобновились еще в октябре сорок четвертого, поэтому Виктор застал вполне налаженную жизнь, словно из грязной отвратительной избы открыл дверь в залитый теплом и светом дворцовый зал. Правда, не хватало многих знакомых преподавателей, Дмитрий Федорович умер от голода еще в феврале сорок второго, кто-то погиб на фронте, кто-то не вернулся из эвакуации, но общая атмосфера сохранилась, а на некоторых

факультетах даже почти не прерывались занятия. Бывших военных среди студентов оказалось совсем немного, его форма и медаль «За отвагу» вызывали огромное уважение, педагоги не придирались, вокал зачили практически без экзаменов, не говоря о теоретических занятиях. Он старался не пропускать концерты ни на здешней сцене, ни в филармонии, тогда проклятые три года тонули в блеске софитов, нарядные люди улыбались и аплодировали, и капитан артиллерии Приходько улыбался и аплодировал, как и положено благодарному слушателю. Оставшиеся два года учебы Виктор трудился не за страх, а за совесть — параллельно вокалу начал посещать занятия на историко-теоретическом факультете, до ночи не покидал библиотеку, читал статьи и воспоминания известных педагогов. Все более высокие оценки украшали зачетку, все легче становилось на душе — господи, еще не поздно, еще ничего не поздно! И никто не удивился, когда выпускнику вокального отделения Виктору Андреевичу Приходько, герою войны и члену КПСС с 1943 года, предложили продолжить обучение в аспирантуре. К сожалению, в том же году в его жизни появилась Муся.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

Муся

В их доме никогда не было зеркала.

Нет, конечно, в кухне над раковиной папа когда-то собственноручно прибил деревянную полочку для мыла и зубных щеток, а над ней — жалкий серый квадратик. Если встать на цыпочки и опереться о край стола, получалось разглядеть собственный лоб и скошенные от напряжения глаза, у Муси — скучные карие, а у Аськи — огромные небесно-голубые с золотыми крапинками вокруг зрачков. Может быть, из-за этого мама и не настаивала на настоящем большом зеркале в комнате, зачем лишний раз подчеркивать ужасную несправедливость? Да все, буквально все досталось младшей сестре — длинные ноги, аккуратный, даже короче, чем у мамы, курносый носик, круглый, как у куклы, овал лица. А Муся получилась исключительно папиной дочкой — невысокой, узколицей, с выдающимся еврейским носом и такими же выдающимися, абсолютно ей не интересными способностями к математике. В общем, ерунда на постном масле!

Нет, скорее всего, родители и не подозревали о Мусиных огорчениях, просто папа не хотел поощрять «мещанские привычки» у своих дорогих девочек,

ведь слишком заботиться о внешности — значит зависеть от вкуса и мнения мужчин. Не зря его дочери родились и росли в свободной равноправной стране, а не в какой-нибудь Германии, где до последнего времени судьба женщины ограничивалась тремя «К»: Küche, Kinder, Kirche (кухня, дети, церковь), теперь они получают полноценное образование и равные возможности с мужчинами! И мама, хотя сама вполне благополучно выросла в Германии, соглашалась с папой — потому что в первую очередь нужно развивать в девочках скромность и опрятность, а не глупое кокетство и кривляние перед зеркалом.

В остальном, надо признаться, их с сестрой жизнь была очень хорошей, даже замечательной — любящие родители, подружки, пионерский отряд, квартира на Петроградской стороне, пусть и на чердаке, но вообще без соседей, с двумя отдельными комнатами, гулкой кухней и даже собственным туалетом с бачком и длинной металлической цепочкой. Не нужно говорить, что и туалет, и кухню мама содержала в блистательной чистоте, сравнимой разве что с операционной, где через много лет Мусе случилось побывать с приступом холецистита. Что говорить о комнатах! Кружевные салфетки, связанные когда-то немецкой бабушкой Марией, красиво оттеняли темное полированное дерево этажерки, и на каждой стояла фарфоровая фигурка — девочка с котенком, мальчик с дудочкой, юный всадник на лошадке, веселый румяный клоун. Фигурки мама трогать не разрешала, только каждый день тщательно протирала влажной белой тряпочкой и грустно вздыхала. Муся знала, что мама в эти минуты думает об оставленной

в Германии семье и особенно о старшей сестре Мицци, но говорить на эту тему строго запрещалось. За этажеркой прятался диван, на котором спали родители, а всю остальную комнату занимала папина библиотека и тяжелый письменный стол с ящиками. Как жаль, что библиотека сгорела в блокаду и Мусин внук Артем ничего не застал. В детской комнате стояли две одинаковые нарядные кровати с кружевными накидками на подушках, на Мусиной были вышиты бабочки, а на Асиной — большая красная роза. На маленьком столике сидели куклы в нарядных платьях, сшитых мамой из разноцветных лоскутков. Аська обожала кукол, а Мусю больше влекла складная деревянная шкатулка с кружевами, нитками и скользкими блестящими пуговицами. В кухне над буфетом висел радиоприемник, в ряд стояли сверкающие кастрюли, на стене, на полочке рядом с раковиной, теснились накрахмаленные до фарфоровой жесткости полотенца, а на квадратном кухонном столе с дверцами и ящиками мирно гудел примус. Со временем папа даже раздобыл настоящую чугунную ванну и с помощью дворника дяди Алексея установил ее в кухне за занавеской. Эта занавеска — единственное, что менялось в Мусиной жизни с течением лет, — сначала плотная белая клеенка, потом бывшая мамина скатерть, расшитая розами, и, наконец, кокетливая нейлоновая штора в мелких цветочках, купленная в семидесятые годы в Праге недолговременным Мусиным зятем.

Папа приходил домой поздно вечером, только и успевал поцеловать дочек перед сном и погружался в чтение книг или писал сам в толстой тетради,

стремительно подчеркивая отдельные слова и заполняя страницу за страницей странными буквами. Муся уже знала, что папа пишет и читает на немецком языке, но рассказывать об этом во дворе или школе так же строго запрещалось, как про мамину сестру.

Много позже, после снятия блокады, возвращения в Ленинград и бесполезных поисков папиной могилы, Муся задумала написать о папе книгу. Почему книгу? Да потому, что в книгах существовала интересная жизнь! Пусть временами страшная или грустная, но упоительная *живая* жизнь с приключениями, страданиями и любовью. Школьницами до поздней ночи обсуждали с Аськой Анну Каренину, дружно влюблялись во Вронского, жалели милую Кити, вышедшую замуж за скучного, правильного Левина. Потом в их жизнь вошли тургеневская Ася, Неточка Незванова, навсегда обожаемый Чехов: *где ты, Ми-сюсь*, вопрошал герой, и хотелось плакать и жалеть, жалеть всех — Лику Мизинову, Нину Заречную, чайку, умирающего одинокого Антона Павловича.

А при этом настоящая папина жизнь была во сто раз интереснее! Именно его, а не манерного эгоиста Печорина следовало назвать *героем нашего времени*. Пусть у Муси не получится настоящая серьезная книга, как у великих писателей, но хотя бы домашняя, для себя и Аськи, а также для будущих папиных внуков и правнуков. Она все собиралась и собиралась, а между тем проходили годы, старела мама, они с Аськой выросли, и только папа оставался таким же молодым и прекрасным, с веселыми морщинками у глаз и теплыми большими руками. Нет, он не должен уйти в прошлое, как уходят старые

усталые люди, человек не умирает, пока его любят и помнят.

Муся так долго вынашивала идею книги, ее название и отдельные главы, что буквально видела готовой и постоянно повторяла про себя первую строчку: «Жил-был мальчик, хороший послушный мальчик восьми лет, и ни мама с папой, ни соседи и родственники даже представить не могли, какая удивительная, трагическая и прекрасная жизнь его ожидает».

Итак, жил-был мальчик. И не сам по себе, а в большой дружной семье, где высокий солидный папа в сюртуке с золотой цепочкой совсем не бранил детей, а красавица-мама в чудесном длинном платье и шляпке с вуалью никогда не забывала купить каждой девочке и каждому мальчику пирожное с кремом и шоколадной глазурью.

Муся почти ничего не придумала, потому что основой для начала истории послужила единственная, чудом сохранившаяся фотография папиной семьи, где в первом ряду между сидящей в высоком кресле мамой и двумя маленькими девочками в светлых нарядных платьях стоял главный герой, мальчик Шмулик, в белой рубашке и маленькой круглой шапочке на стриженной голове. Семья жила в городе, который назывался Гомель, вполне самостоятельном красивом городе, с центральной площадью, театром, железной дорогой и настоящей классической гимназией, куда папа обещал записать мальчика Шмулика, если он будет хорошо учиться в хедере. На самом деле Шмулик учился прекрасно и умел читать с пяти лет на двух языках, поэтому все знали, что папа шутит и уже заранее купил сыну форму и гимназическую

фуражку. Но как раз тем летом, когда отличнику Шмулику исполнилось девять лет, он был официально записан в пригготовительный класс и каждый день примерял новенькую фуражку, в городе случилась страшная беда под названием «погром». Не ураган и не эпидемия, но жуткий бессмысленный разбой, непонятным образом превративший мирных жителей Гомеля в жестоких насильников и убийц. Семья Шмулика жила в красивом доме на втором этаже, над собственным магазином канцелярских товаров, и он навсегда запомнил брызги крови на растоптанных в грязи школьных тетрадах.

Через много лет Мусин внук Артем специально поехал в Белоруссию и раскопал документы об этом погроме. Оказалось, в Гомеле в августе 1903 года евреи заранее подготовили отряд самообороны, поэтому жертв оказалось не так много, как, например, в Кишиневе. К несчастью, папины родители жили на центральной улице, к ним вломились первыми, никто не успел помочь. Но многих других беспомощных людей спасли. Правда, через несколько месяцев шесть человек из отряда самообороны судили за превышение мер защиты вместе с погромщиками и убийцами.

— Бабуля, ты только подумай, — кричал в трубку Артем, — *превышение мер защиты!* Они должны были подождать, пока начнут убивать женщин и детей, и только потом защищаться?!

Что Муся могла ответить? Она пыталась представить, как чужие равнодушные люди убивают ее дочку Наташу и маленького Артема и как она пытается их защитить — ведь именно так на глазах

папиных родителей убили их детей, но не было никакой возможности додумать мысль до конца — ноги и руки холодели, и сердце останавливалось.

А маленький Шмулик случайно остался жить, он собирался на улицу, когда ворвались погромщики, и потерял сознание от удара тяжелой дверью по лбу, поэтому убийцы его вовсе не заметили. Оказывается, судьба может ударить по лбу не только в наказание, но и ради спасения.

А дальше в жизни мальчика случилось настоящее везение. Да, везение, хотя Шмулик еще не знал, что радость и беда частенько шагают рядом, и поэтому даже не мог представить, что еще когда-нибудь в жизни рассмеется или обрадуется. Но буквально через неделю в каморку, где приютился безмолвный заплаканный Шмулик, пришел реб Айзик, самый уважаемый раввин города. Пришел и, ни слова не говоря, забрал Шмулика к себе домой. И не просто взял из милости, как несчастного сироту на побегушках, и не просто посадил за стол со своими двумя сыновьями, но лично отвел в гимназию, причем не в приготовительный, а сразу в первый класс! А еще через восемь лет, весной 1911 года, тот же реб Айзик объявил по всей городской общине благотворительный сбор денег: *для продолжения обучения в высшей школе выпускника гимназии и золотого медалиста Самуила Шнайдера*. И уже в начале июля растерянный папа, не верящий своему невозможному счастью, сидел во втором классе поезда, идущего на Берлин, и крепко прижимал к животу зашитое в кармане пальто рекомендательное письмо к самому Леопольду Ландау, знаменитому врачу и тайному советнику кайзеровской